

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ*

1. Смысл понятия и феноменология явления

Уже более десятилетия у нас весьма активно и широко ведется обсуждение проблемы толерантности в самых разных вариациях ее постановки и истолкования¹. Если исходить из «нормативного» представления о толерантности и наиболее традиционного и общего ее понимания, то толерантным, например, человеком является тот, кто не вызывает у других и сам не порождает ненависти или отчуждения, кто способен найти общий язык или какие-либо точки соприкосновения с другими людьми, будучи дружелюбным, отзывчивым, снисходительным, корректным.

Современный социокультурный контекст, в котором происходит осмысление и использование данного понятия, складывается из двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, расширяющийся процесс глобализации, необходимость для разных стран и разных культур жить в общем, становящемся все более тесным, мире; с другой стороны, вызванный этим встречный процесс активизации настроений антиглобализма, повышение чувствительности к вопросам национального самоопределения, этнической идентификации. И, наконец, это процесс известной атомизации общества (обществ), усиление настроений индивидуализма и проявления нетерпимости к *инакому*, повышение готовности к конфликтам людей, находящихся в процессе сложных поисков самоидентификации на разных уровнях ее становления. Все это делает проблему толерантности чрезвычайно актуальной и популярной темой всех уровней современного дискурса, применительно ко всем этапам социальной организации общества, обозначающей характер и способ отношения человека к окружающему, оценивающей как формальную, так и содержательную сторону человеческих отношений в модусе и интенциональном, и психологическом, и ценностном, и поведенческом. Можно сказать, что данный термин выступает как своего рода лексико-семантический фрактал для описания *внешнего проявления* современной жизни: определения, организации и оценки всех форм

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-3-00009а.

¹ См., напр.: *Лекторский В.А.* О толерантности // Филос. науки. 1997. № 3; *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11; *Браун Э.* Понимать чужого. Трансцендентально-герменевтический подход к проблеме межкультурного понимания // РЖ «Социология». 1996. № 4; *Васильев В.А.* К вопросу о толерантности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3; *Визгин В.П.* На пути к другому. От школы подозрения к философии доверия // Языки славянской культуры. М., 2004; *Михайлов В.Д.* Толерантность как духовно-нравственная основа гражданского согласия // Терпимость: идеи и традиции. Якутск, 1995; *Панченко А.И.* Толерантность как культурная универсалия // РЖ «Социология». 1996. № 4; Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998; *Перцев А.В.* Жизненная стратегия толерантности, проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург, 2002; *Якимович А.К.* «Свой—чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4, и др.

поведения человека и человеческих объединений (социальных групп). При этом данное понятие используется и в самых разных контекстах, и в самом широком диапазоне значений и смыслов, но преимущественно, как уже было сказано, для обозначения проявлений вовне. Ибо о содержании внутренней жизни, о внутренних побуждениях и непроявленных (в поведении) мотивах судить с помощью термина «толерантность» не представляется обоснованным. Толерантность – это характеристика именно поведения, внешнего, обращенного вовне; внутреннее же для оценки толерантностью непроницаемо. В этом случае можно говорить о внутренней установке, присутствующей как потенциальность толерантности. Таким образом, первый предположительный вывод относительно способа понимания термина «толерантность» может быть таков: это *формальная* характеристика, которая в то же время в определенном отношении применима и к неформальным проявлениям. Это феноменологическая характеристика специфического проявления, особенностью которого является то, что это проявление остается только позицией, скорее обозначением позиции (не предполагающей деятельности), чем ее осуществлением в реальном взаимодействии.

Представляется, что к настоящему времени сформировался уже вполне достаточный материал для того, чтобы на основании наблюдений, теоретических исследований и анализа соответствующей общественно-культурной практики (и ее следствий) делать какие-то выводы относительно смысла, функций и значения толерантности, того, как данное явление реально присутствует в современном обществе, влияет на его жизнь, какие последствия может иметь расширение понятия и практики толерантности. Как отмечает В.А.Лекторский, «идея толерантности, которая выглядит очень простой, в действительности не столь проста», ибо тесно связана «с рядом принципиальных философских вопросов, касающихся понимания человека, его идентичности, возможностей и границ познания и взаимопонимания»². Несмотря на признание того факта, что не только мнения, но и то, что считают истинами, далеко не всегда бывают бесспорны (особенно во временной перспективе) и что в соответствии с принципом толерантности допустимы спорные (вызывающие сомнения) или неочевидные утверждения, при Президиуме Российской Академии наук, например, действует Комиссия по лженауке, которая не рассматривает и просто не принимает во внимание те гипотезы, положения, концепции, которые представляются ненаучными (несовместимыми с положениями доминирующей научной парадигмы). В свою очередь, сама наука в целом, как авторитетный, весьма специализированный и традиционно (уже около трехсот лет) обладающий известной независимостью в обществе институт, в последнее время подвергается не слишком толерантному давлению со стороны государства, которое оказалось не заинтересовано в том, чтобы суверенная наука торчала как сучок на «вертикали власти».

Следовательно, о толерантности все-таки нельзя сказать, что это универсальная по своему смыслу и содержанию категория, имеющая абсолютную ценность, и что в *любом* случае терпимость лучше конфликта. Существует не только соревновательность различных точек зрения (в самых разных сферах человеческой деятельности), но и некая объективная шкала ценностей, на которой одни из ценностей заведомо (или традиционно)

² См.: Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // *Вопр. философии*. 1997. № 11. С. 284.

признаются как более фундаментальные, основополагающие, безусловно значимые для человека, чем другие. И, наверное, есть сферы, где понятие «толерантности» вообще не применимо. Например, толерантность в области чести будет просто бесчестьем (а не толерантностью), толерантность в области истины – также просто ложью. Если трудно предположить толерантность к подлости или убийству, то чем должно быть ограничено применение термина «толерантность» и всегда ли возможно уйти из ситуации, по сути, толерантно проигнорировав ее? И правильно ли будет понята наша «толерантность» с помощью реакции ответной толерантности?

Таким образом, одной из причин сложности в понимании явления толерантности в его собственном смысле выступает не только нечеткая очерченность сферы адекватного применения термина, но и крайняя неоднозначность самого смысла этого понятия, его размытость, неопределенность (это одно из тех понятий, которые, например, нельзя формализовать для ЭВМ). С одной стороны, мы часто называем толерантностью и простую адекватность поведения (т.е. естественную вменяемость его носителя) существующему положению, наличным условиям, и в то же время способность всепринятия как очевидных «ненормативностей» проявления, так и привычных проявлений ненормативности. Иногда говорят также о необходимости толерантности к слабым, немощным, инвалидам. Но в данном случае уместнее говорить о доброте, милосердии, человечности. Говорят о толерантности к отступлениям от нормы, даже к патологиям; но в данном случае речь идет не о толерантности, а об ослаблении или даже отсутствии нормального иммунитета, свойственного психологически здоровой личности (и обществу). Толерантность к разного рода нарушениям часто оказывается просто равнодушием и слабостью, например, толерантность к подлости, хамству, жестокости, предательству. Толерантность к тому, кто на тебя и вовсе нападает или угрожает, есть уже не столько толерантность, сколько трусость, и т.д. Можно ли быть толерантным на войне, и как это выглядит? Должен же быть, например, предел у глупости, или она может быть беспредельной в нашей толерантности к ее существованию и бесцеремонному проявлению? Словом «толерантность» часто обозначают проявления безразличия или даже неразборчивости, например, в случае лояльности по отношению к девиантной политической или сексуальной ориентации, и т.п. Сравнивая толерантность с равнодушием, можно вспоминать слова Б.Ясенского в его «Заговоре равнодушных»: «Равнодушные не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство». Не менее интересно и определение толерантности, которое в своей статье «Критика толерантности» дает Славой Жижек: абстрактная, безадресная и бессодержательная «любовь» к другому.

Представляется, что часто введение данного понятия диктуется не столько какой-то смысловой необходимостью (обозначение новой реальности, нового предмета, фиксация нового взгляда и т.п.), сколько следованием свойственному нашему времени духу неразличения, смешения, безразличия, т.е. толерантности к *смыслу* выражения. В этом случае использование данного понятия часто не проясняет, но запутывает, смешивает, делает непонятной обозначаемую ситуацию. Применение данного понятия там, где следует использовать негативно окрашенное определение, делает ситуацию размытой, неопределенной даже в плане интуитивно понимаемых добра и зла, красоты и безобразия. Толерантность к злу как фактическое неразличение добра и зла, толерантность к безобразию как неразличение

прекрасного и безобразного делают мир по-новому неструктурированным, как бы бескачественным, содержательно размытым, следовательно, *по-новому непознаваемым*. Похоже, что от явления стараются просто побыстрее отмахнуться вместо того, чтобы понять его (а тем более оценить его, расположив на шкале ценностей) или сформировать сознательную и внятную позицию по отношению к нему.

Понятие толерантности в равной мере имеет хождение и в сфере социальности (на уровне, по выражению А.А.Зиновьева, «коммунальности»), и в сфере психологии, и в сфере инструментальной, когнитивной, и в сфере этикета, нормативности и условности; оно может быть корпоративно и индивидуально, неявно подразумеваемо и отчетливо демонстрируемо. К какому роду, уровню и типу *обозначения* действительности оно может быть применимо по преимуществу, если у понятия фактически не оказывается денотата (как основы инварианта содержания), коннотат (совокупность возможных конкретных «обертонов» смысла) индивидуально и ситуативно размыт, и каждый вправе подразумевать или вносить в общее содержание собственные коннотации — свои окказиональные, актуальные и конъюнктурные дополнения, вследствие чего концепт варьирует в неоправданно расширенных пределах? Само введение понятия «толерантность» становится в этом случае магической процедурой, своего рода заклинанием. Оно часто еще больше все запутывает, мистифицирует, делает непонятными и основания той или иной оценки, и способ формирования отношения. Инвариант смысла тает в возможно-потенциальных, второстепенных коннотациях, понятие повисает в воздухе, как пресловутая улыбка исчезающего чеширского кота.

Термин «толерантность» становится таким все объясняющим, все заменяющим, повсеместно употребляемым, а сама толерантность как феномен современного либерального сознания таким всеохватывающим явлением, что в контексте постмодернистского смешения и неразличения, с одной стороны, и масскультовского неразборчивого всеприятия, с другой, толерантность, наряду с этими двумя главными, определяющими понятиями — дискурсом и гламуром, которые В.Пелевин в своем последнем романе «Empire V»³ иронически именует двумя столпами современной культуры, — в той же мере характеризует современное бытие. «Дискурс — это мерцающая игра бессодержательных смыслов, которые получаются из гламура при его долгом томлении на огне черной зависти» (с. 59–60). «Гламур — это дискурс тела... А дискурс — это гламур духа» (с. 60). При этом «дискурс так же неисчерпаем, как гламур» (с. 87). «Дискурс служит чем-то вроде колючей проволоки... он отделяет территорию, на которую нельзя попасть, от территории, с которой нельзя уйти» (с. 92–93). Неправда ли, в весьма значительной степени это определение может быть применено к содержанию и функции понятия «толерантность» в современном обществе? Как уже говорилось выше, *каждый* раз к слову «толерантность» можно отыскать синоним (часто более привычный, значащий, говорящий), но если это так, то не является ли само подобное слово избыточным, искусственно вводимым с той или иной целью? И если сущностью двух главных «искусств» в пост-постмодернистской культуре, по мнению В.Пелевина, является маскировка и контроль, то не является ли целью введения понятия «толерантность» также осуществление своеобразного мягкого управления обществом с помощью изящной маскировки смысла и ненавязчивого контроля

³ См.: Пелевин В. «Empire V». М., 2006.

поведения? Когда с помощью «общественного мнения», внушений СМИ, манипулирования мифическими «целесообразностями», адаптированными к избирательно понимаемым «правам человека», обществу навязывается (а в отдельных случаях, возможно, и инкриминируется) своего рода «контрафактное» согласие.

В известном смысле толерантность можно назвать типичной либеральной (в современном массовом понимании) ценностью, когда провозглашается принцип: «все, что не запрещено, позволено». Поскольку, как справедливо отмечает А.С. Панарин, данный принцип стал интерпретироваться не как правовой, а как моральный⁴, то с нашего молчаливого, толерантного согласия подлец и хам могут позволить себе чувствовать себя вполне комфортно. Реализация этого принципа как бы освобождает личность от обязанностей, налагаемых социальным взаимодействием и начавших восприниматься как обуза. Более того, чаще подразумевается терпимость именно к пороку и отклонению, в то время как следование нормам и правилам стало связываться с традиционализмом, неявно осуждаемым в сравнении с «прогрессивностью» носителей девиантного поведения. Толерантность, таким образом, оказывается весьма нетолерантна к достоинству, к справедливости, к желанию общаться и оценивать все «по гамбургскому счету». Конечно, было бы неуместно призывать к возрождению обычая дуэлей, но толерантность должна-таки иметь пределы. И четкую содержательно-смысловую определенность. Без либеральной всеядности и постмодернистского децентрирующего и деконструирующего смешения качеств и характеристик.

Как легко видеть, массовое искусство, те же сериалы наполнены намеками «понять и простить» все что угодно. Если взять для примера распространенные у нас «мыльные оперы», например, аргентинского или бразильского происхождения, то ясно, о чем идет речь. Сегодня Сантьяго (телесериал «Телохранитель») добрый дедушка, а завтра выясняется, что он, оказывается, подлец и убийца; но послезавтра его очень жалко, ибо он болен; однако оказывается, что он опять обманул, тем более что вообще-то он мафиозный спекулянт алмазами, давно разыскиваемый ЦРУ. Вчера Кара была бандиткой, но сегодня она любящая мать и жена; прошлое надо забыть, ибо оно, каким бы ни было, стало недействительным; это не значит, что она «пересмотрела свои позиции» или «перевоспиталась», просто с изменением обстоятельств происходит и взаимозаменяемость принципов и убеждений. Человека не стоит осуждать, он слаб и многолик, нельзя сказать, плох он или хорош, злодей он или герой — все зависит, откуда и чьими глазами смотреть. Объективных же критериев для оценки — не существует. Можно ли это назвать толерантностью? Может быть, с социальной точки зрения это все-таки размытость добра и зла, их взаимозаменяемость, а с эстетической — отсутствие характера и образа? Логика характера нет, логики развития образа нет. И в целом все это нагромождение толерантностей нетолерантно только к здравому смыслу, нравственному чувству и рассудку зрителей.

И главное, что на фоне разговоров о толерантности сегодня без всякой толерантности отвергают все прежние культурное развитие, ибо оно якобы несогласуемо с сегодняшним пониманием культуры; «прежнее» есть «другое» в сравнении с нынешним, современным, и только это современное объявляется единственной ценностью, а прежнее — безусловным пережит-

⁴ См.: Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 100, 472.

ком (достойным переоценки, но одновременно подвергающимся активно-текстуально-смысловому заимствованию и цитированию). Не слишком толерантно к культуре, насчитывающей несколько тысяч лет, и выстрадаанным ею ценностям. Что касается масскультовского рынка, то он и вовсе абсолютно нетерпим, самовлюблен, агрессивен. Как пишет А.С.Панарин: «Менеджер преследует в качестве сомнительных и незаконных все мотивы в культуре, кроме экономических, и выступает в роли резонера, призывающего публику расходиться, если дело не пахнет дивидендами»⁵. Так что и здесь сугубая избирательность: только прибыль — и никакой толерантности к иным вариантам, перспективам и целям. В обществе, где высшей ценностью «назначено» потребление во что бы то ни стало, оно делается толерантно ко всему, что не угрожает этой его потребности в потреблении и будет терпеть все ради сохранения привычных стандартов потребления. Не торжество ли это того «пейзажа без неба», о котором в свое время говорил С.Цвейг?

2. Необходимость и амбивалентность толерантности

Почему, тем не менее, в современном обществе столько говорят о толерантности? Наверное, не только потому, что под этим конъюнктурным словом удобно маскировать что-то иное и контролировать все происходящее, ограничивая определенными рамками, но и потому, что на самом деле под этим подразумевается какое-то явление или качество, которое, может быть, под другими именами, с другими акцентами, всегда присутствовало в культуре человеческого общества, являясь необходимой его принадлежностью. И ныне, в условиях действительной необходимости как-то связать мир, состоящий из разного, в способное к сосуществованию единое целое, данная категория становится насущно актуальной. Каковы же, однако, сами причины, обусловившие возможность толерантности общества к толерантности как явлению и как качеству, обладающему известной объективностью? Наконец, откуда идет сама возможность постановки вопроса?

Представляется, что механизмы толерантности объективно и необходимо должны быть встроены в сам генетический код человека. В процессе эволюции у живого с необходимостью проявляются две разнонаправленные потребности, реализуемые в двух столь же разнонаправленных тенденциях: стремление *сохранить* себя, поддерживая видовую устойчивость и постоянство, отвечающие за выживаемость, и умение *изменить* себя, чтобы приспособиться к конкретному изменению ситуации, также, в конечном счете, обеспечив выживаемость. Как известно, мы живем не столько в мире «закрепленной» реальности, сколько в мире вероятностном. И этот мир не столько устойчив, сколько постоянно изменчив в своей тенденции к самым многообразным и непредставимым модификациям.

Способность распознавания и выбора нужного поведения в таком мире подкрепляется способностью к избирательному изменению, определяемому открытостью системы живого. Даже самая устойчивая форма может оказаться неадекватной и неэффективной в условиях непредсказуемых изменений внешней среды или каких-либо других ее характеристик. Способность к изменчивости как требование адаптации есть и требование выживаемости. В то же время природа не может обеспечить *каждый* организм

⁵ Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 20.

набором всех возможных, на любой случай заготовленных, способностей как мутационных ответов на изменения условий среды. Поскольку мутации есть только случайные изменения, то всякий вид должен постоянно располагать каким-то определенным запасом латентного многообразия, реализуемого через разнообразие особей. Ограниченный вид при резком изменении может не сохраниться, ибо не обладает необходимой вариативностью приспособления.

Кроме всего прочего разнообразие как возможность выбора — из разных вариантов в зависимости от разных условий и требований среды — есть неперенное условие не только сохранения, но и самого развития как движения к более совершенному. Поскольку для выживания виду и роду нужна гетерогенность особей, их разнообразие, то, следовательно, не мог не быть предусмотрен механизм терпимости к иному, разному, и этот механизм должен быть встроен в программу функционирования вида. Иначе «экспериментальное иное» было бы истреблено нетерпимым «нормализованным» большинством. Природа в этом смысле сама производит многообразие вариантов, остается только приспособляться к этому многообразию. Тем не менее слишком большое разнообразие, слишком большая разбегаемость форм повышают неустойчивость вида, мешают его сохранению в определенном качестве, т.е. постоянстве, идентичности. Размывание специфики форм препятствует сохранению, скрещивание особей с далеко разошедшимися свойствами (ставших как бы разновидовыми) приводит к вымиранию рода, к затуханию эволюционных ветвей. Иными словами, при разнообразии вариаций проявления должно сохраняться некое наличие инвариантности, ядро идентичности, нормативности; если же исчезает инвариант, то поливариативное многообразие подтачивает, «растаскивает» бытие целого, как единого организма, на отдельные ветви, которые истончаются, теряются, растворяются в окружающем «контексте».

Те же самые наблюдения и выводы справедливы, например, и для области форм, законы организации которых подчинены определенным объективным правилам; и потому существует сравнительно небольшое число основных форм, которые в тех или иных вариациях и видоизменениях повторяются на разных уровнях построения материи в космосе, природе и затем воспроизводятся в человеческой деятельности и искусстве. Эти основные формы, как и отражающие их числа (Пифагор), выступают также своеобразными фракталами организации, характеризующими принципы универсально-объективного формообразования, обеспечивающего способность адекватного и эффективного взаимодействия. О том, что мир относительно беден в своих целесообразных конструкциях, ибо внутренняя архитектура его элементов весьма ограничена, говорит П.Тейяр де Шарден. То же касается и законов организации форм красоты как полноты проявления общесущественного в единичном. Известный биолог А.А.Любичев утверждал, что развитие биологии убеждает в том, что есть в природе законы, ограничивающие многообразие форм и регулирующие развитие, обеспечивая этим определенную устойчивость существования; и красота в этом смысле препятствует слишком большому разбеганию форм проявления жизни, лишаящему их устойчивости.

При переходе от понимания своего рода прототолерантности как *космоантропного* явления (регулирующегося во многом автоматически, «самоорганизационно») к толерантности как социокультурному явлению следует иметь в виду, что к механизмам естественным добавляются и все более

широко используются механизмы, поддающиеся сознательному регулированию и управлению с помощью этических, религиозных, культурных и др. норм и установлений. В человеческом сознании сформировался и развился когнитивный механизм, позволяющий удерживать единство восприятия и уравнивать противоположные тенденции. В свою очередь, существование и ситуативное равновесие противоположностей отражалось как гибкое структурирование единства мира, интегрированное в целостность, а не в хаотическое смешение. На этом уровне толерантность как таковая могла быть описана (или определена) адекватно в контексте таких понятий, как норма, ценность, идентичность, самоидентификация, унификация, многообразие, взаимодействие и т.п.

Правило сочетания устойчивости с необходимостью варьируемого многообразия действует и в отношении тех или иных социальных объединений, например, народа и его характеристик. Тот или иной народ также не есть собрание одинаковых людей. Их, конечно, объединяет множество факторов: условия жизни, особенности быта, культурные традиции и т.п. — то, что можно определить в этно-хтонических характеристиках. Но в то же время в каждом народе, каждом социальном объединении наличествуют совершенно разные, разнообразнейшие типы. Поэтому на социальном уровне появляется различие в понимании *внешней* и *внутренней* идентификации. Внутри группы люди различны и идентифицируют себя по-разному, имея в виду свои личностные характеристики, но, составляя группу, они идентифицируют себя как одно целое, в отличие от другой группы как другого целого. К желанию сохранения устойчивости бытия присоединяется желание сохранения идентичности — как индивидуальной, так и групповой.

В обществе явление толерантности и его необходимость обсуждается, исходя из той предпосылки (идушей еще от теоретиков классического либерализма Дж. Локка, Дж.С. Милля, А. де Токвиля), что человечество принципиально несовершенно. Люди — несовершенные существа, и поскольку навязать им добродетель силой не представляется возможным, следует снисходительно относиться к их порокам и недостаткам. Иными словами, несовершенные люди и сами должны быть терпимы. Они просто вынуждены к этому, ибо осуждены жить вместе. Как пишет Дж.Грей: «Толерантность является предпосылкой любого стабильного *modus vivendi* среди неисправимо несовершенных существ»⁶. В наше время некоторые акценты в прежнем понимании толерантности меняются. Объектом толерантности становится не столько то, что признается недостатками или пороками, сколько просто всякое иное, другое, отличное от нас или нам неприличное. При исключении этого оценочного момента исчезает и смысл как-то стремиться воспитать или усовершенствовать современных людей, даже если мы усматриваем у них недостатки: в конечном счете, это может быть истолковано как посягательство на их внутреннюю свободу — быть тем и такими, кем и какими они хотят быть. Тем более что многие современные теории, включая этические, принципиально допускают множество разных точек зрения, причем требования, исходящие из них, отнюдь не всегда совместимы друг с другом (как подчеркивает Д.Готье в своей книге «Мораль по соглашению»⁷). При этом и сама поверхностность термина «толерантность» значительно облегчает достижение согласия относительно

⁶ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М., 2003. С. 45.

⁷ Gauthier D. *Morals by Agreement*. Oxford, 1986.

принципов, например, справедливости, добра, истины и т.д. Любая точка зрения не хуже, чем остальные, и «величайшее благо свободы совести с необходимостью включает в себя и свободу верить в то, что нелепо или несомненно со здравым смыслом»⁸. Предпочтение или поощрение одного (типа поведения, образа жизни и т.п.) или неодобрение другого воспринимается тогда как неприемлемая дискриминация.

Подобные идеи и установки (фактически внеценностного выравнивания) становятся весьма популярны в западном, становящемся все более терпимым обществе, обществе сплошной политкорректности. Если раньше человек был просто снисходителен к пороку, хотя оставался вполне способен отличить его от добродетели, то постепенно, в контексте ценностной неразличимости, неразборчивого словоупотребления, снисходительности к смыслу и точности, он становится часто уже и не способен на это. Мы, как известно, следуем за Западом, усваивая его модели, даже если это не лучшие модели. В конечном счете толерантность, понимаемая уже не столько как средство организации бесконфликтного сосуществования, сколько как цель в превращении культурного контекста в однородный, бескачественный, бесценностный, становится инструментом снижения человеческой планки бытия.

Правила и нормы «придумываются» человеком, они искусственно, т.е. намеренно, вводятся в общественный оборот в целях самозащиты от естественной энтропии коммунальной жизни в обществе. Это — удобство и необходимость для социального человека, вызванная необходимостью же совместной жизнедеятельности. Но, как известно, для поддержания порядка требуются позитивные усилия, беспорядок же может поддерживаться сам собой и не напрягать людей. Так называемая «естественность», «экономия усилий» требуют сохранения того, что уже есть, а не усилий для достижения того, что должно быть. В то же время имеющееся подвергается столь же естественным энтропии, распаду. Проявляющаяся (и усиливающаяся) амбивалентность явления толерантности служит, если сравнить исходные основания для его введения и расширение контекста его применения, для оправдания не лучших сторон жизни человеческого общества. Так, Ф.М. Достоевский пишет: «Способность примирительного взгляда на чужое есть высочайший и благороднейший дар природы, который дается очень немногим...»⁹. И о самой этой тенденции, о ее оправдании в современном общественном мнении пишет А.А. Зиновьев: «На Западе намечается тенденция внести в законодательство такие изменения, вследствие которых поступки людей, считавшиеся преступлениями, начинают рассматриваться как вполне законные. Классическим примером на этот счет может служить ситуация с гомосексуализмом... Разумеется, все это преподносится как дальнейшее развитие демократии»¹⁰. Толерантность простирается столь далеко, что утверждающие себя в качестве меньшинств начинают постепенно требовать не столько даже равенства, сколько привилегий. Часто в результате этого меньшинство получает легализованное право навязывать свою волю большинству. Попытка закрепить что-либо в качестве нормы в условиях неограниченного плюрализма приводит в конечном счете лишь к разъединению и усилению нетерпимости.

⁸ Грей Дж. Указ. соч. С. 46.

⁹ Достоевский Ф.М. Политическое завещание. Сб. статей за 1861–1881. М., 2006. С. 13.

¹⁰ Зиновьев А.А. Запад. М., 2007. С. 370.

В цитируемой книге Зиновьев вообще рассматривает толерантность как средство намеренной гомогенизации общества и причисляет ее к атрибутам колониальной демократии (с. 420), ничего не говоря в то же время в отношении «демократии суверенной» (но это особый вопрос). Сам дух подобного общества Зиновьев определяет следующим образом: «Западнизм является новым уровнем в эволюции человечества или, точнее говоря, таким социальным образованием, которое предполагает в качестве условия бытия более низкий слой человечества»¹¹. Психологически интересным здесь представляется вопрос о том, почему в большинстве случаев люди довольно терпимо относятся к толерантности, когда она выступает средством инерционной унификации на этом более *низком* уровне, когда целью использования механизма терпимости становится привыкание к аномалии. Но людям гораздо реже нравится, когда им в качестве образца предлагается хотя бы норма: здесь им кажется, что к ним предъявляют какие-то повышенные требования, посягают на их свободу, индивидуальность и т.п. Очевидно, человеку свойственно равняться на более низкое, ибо всегда легче плыть по течению, двигаться по инерции. Представляется, что, говоря о толерантности, не стоит забывать о психологических константах человеческой природы и делать на это определенные поправки, в особенности если понимать толерантность не столько как средство, сколько как цель.

Поверхностный, формальный характер толерантности часто служит лишь для прикрытия, переименования ситуации, в целях представления ее более приемлемой¹². В самом деле, как можно улучшить ситуацию при помощи толерантности, если, как пишет Дж. Грей, нужно не демонизировать или запрещать, например, проституцию или порнографию, а только «сдерживать их при помощи таких правовых средств, как лицензирование секс-шопов или сосредоточение их в определенных местах, причем сами эти ограничения будут изменяться от места к месту в зависимости от обстоятельств»¹³. Насколько эффективны подобные меры, мы знаем хотя бы по ситуации с игорным бизнесом. Может быть, все-таки «добро должно быть с кулаками», а толерантность — более разборчивой, «квалифицированной»? Нельзя же, наверное, всерьез полагать, будто у нас *уже* сбылись описанные в Библии (Книга пророка Исайи) пророчества, когда «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком, ... и радость вечная будет над головами их» (Ис. 11, 6; 35, 9). Безусловно, агнцы и сегодня между собой и по отношению к волку могут быть толерантны, но волк к ним — только до тех пор, пока не проголодается.

3. О способах определения толерантности

Итак, в самом мягком приближении толерантность — это добродетель осознающих свое несовершенство людей (которые в то же время не планируют и собственное усовершенствование, но скорее всего желают, чтобы их оставили

¹¹ Зиновьев А.А. Запад. С. 29.

¹² Можно здесь вспомнить известную анекдотическую ситуацию с так называемой поллиткорректностью. В автобусе едут негры и белые. Между ними назревает конфликт. Водитель останавливает автобус. «Нет черных и белых, — говорит он, — отныне есть только зеленые. Поэтому — светло-зеленые налево, темно-зеленые направо». Толерантность здесь выступает как переименование (того, что не нравится) другим, более нейтральным именем.

¹³ Грей Дж. Указ. соч. С. 54–55.

в покое). Можно также отметить, что понятие толерантности является типично постмодернистским, достаточно лукавым понятием. Будучи вездесущей, толерантность, тем не менее, трудно поддается идентификации. Чтобы избежать неясности, неоднозначности, смешения, необходимо определить, где проходит грань между толерантностью и снисходительностью, между толерантностью и всеядностью, между толерантностью и безразличием, толерантностью и беспринципностью? Как ухватить саму суть этого явления? Может быть, в определении толерантности был бы уместен тот же прием, который использует А.Ф.Лосев в «Диалектике мифа», чтобы показать, *что* есть миф. Он последовательно отбрасывает то, что не есть миф, пока не остается единственное то, что однозначно ясно и не подлежит сомнению: вот это и есть миф.

Возможна ли подобная операция с определением толерантности? Если толерантность сама отменяет всякую определенность и ясность, строгость и однозначность как то, что недостаточно толерантно? Насколько правомочен выбор из дихотомической пары и отбрасывание «неправильного», если ставится под сомнение, в силу подразумеваемой нетолерантности конструкции, сама дихотомичность.

Представляется, что адекватное определение толерантности может быть толерантно выдержано, если удастся определить, во-первых, содержательные рамки этого понятия, во-вторых, качество обозначаемого им явления. В целом это многоуровневое и амбивалентное явление. Его понимание и определение зависит от того, в какой сфере или плоскости мы рассматриваем явление: сфере идеалов или проявлений, сфере аксиологической, инструментальной, прагматической, телеологической и т.д. То есть, во-первых, от того, понимаем ли мы толерантность как *ценность* (саму по себе) или как *средство* (для чего-то). В зависимости от *цели* содержание толерантности, во-вторых, может быть определено в пределах от сохранения status quo или поддержания его стабильности до развития, движения к совершенствованию. Но где та черта, которая отделяет *постоянство* предмета от начала процесса его трансформации. В-третьих, как подобное истолкование сочетается с понятием о *нормативности* (следует ли полагать, что она есть или же что ее нет и не может быть в контексте плюрализма, поликультурности и т.п.), понимаемой в рамках общей программы сохранения и развития человека как рода. И вообще, человеческие пороки и недостатки – то, с чем следует бороться, или то, что нужно терпеливо переносить?

Не выступает ли в данном контексте толерантность как *переназвание* для своеобразной *светской* (поскольку сформирована в условиях **много**конфессионального мира) версии христианского терпеливого непротивления? Но, во-первых, и само смиренное (и потому взятое за образец) христианство не было «неквалифицированно» толерантным, ибо как понять по-иному, например, слова митрополита Филарета, известного своей христианской кропотливостью: «Люби врагов своих, ненавидь врагов Божьих, и бей врагов Отечества», в которых четко разделены позиция сугубо личная; позиция осознанной духовной идентичности, своего рода духовные обязательства; позиция безусловного гражданского-человеческого долга. Нетолерантность может быть не стихийным, неотрефлектированным неприятием *чужого*, а сознательной позицией неприятия *чуждого*, когда явление нетерпимо по своей сути, противоречит принципам, касающимся главных, приоритетных ценностей, когда оно несовместимо с человеческой моралью. Разве человек не вправе в этом случае активно отстаивать свои принципы, не слишком оглядываясь на требования формальной и двусмысленной толерантности.

Кроме того, можно ли однозначно сказать, что непротивленческое содержание толерантности продиктовано идеально-альтруистическими целями? Разве не выступает, как упоминалось выше, требование толерантности замаскированным средством мягкого управления, манипулирования, своего рода *soft-technology* в общей системе современного управления миром в эпоху «тотального регулирования жизни»¹⁴? Безусловно, толерантность в определенном смысле и пределах необходима. В условиях, когда возрастает дезориентированность в условиях многокультурного мира, многоценностной культурно-нравственной парадигмы, скорости появления не осваиваемых сознанием средств техники и коммуникации, сформированная позиция толерантности может выступать как средство социальной безопасности в обществе, упрочения его стабильности. Наличие осознанной толерантности свидетельствует о гибкости позиции, о способности к поиску, об определенной этической, сознательной установке, как и о возможном наличии некоей внешней причины, принуждающей к терпимости. Поэтому не стоит забывать, сколь это ненадежное, двусмысленное, внешне-формальное средство, как легко оно трансформируется во всеядность, конформизм, беспринципность. В то же время нельзя не видеть, как толерантность из явления взаимообусловленной зависимости всех друг от друга становится односторонне обусловленной зависимостью одного от другого.

В свою очередь, можно выделить и причины неспособности к толерантной позиции. Это может быть излишне жесткая внутренняя «конструкция», не предполагающая гибкости. Это может быть очень высокая личная самооценка, при которой ничто внешнее не представляется достойным внимания и тем более принятия. Это может быть также и малая компетентность, не позволяющая адекватно оценить непонятное иное или вообще увидеть иную возможность, во-первых, как иную, во-вторых, как возможность. В известных пределах и при адекватном содержании данного понятия толерантность обеспечивает гибкость реакции, поиск альтернатив, сознательную установку на контакт и возможный диалог; установка толерантности является основой стимула к поиску, его внешней причиной и внутренним побуждением.

В целом можно предложить следующее *определение толерантности*. Толерантность – обозначение типа отношения, которое не предполагает взаимодействия и основано на сохранении и признании идентичности обеих сторон. В то же время такое отношение не есть взаимодействие, ибо оно принципиально не предполагает обмена (ибо при обмене возможна оценка и согласие-несогласие, что может поставить под вопрос сохранение толерантности), но является лишь взаимно-параллельным сосуществованием. В отличие от взаимодействия, в позиции толерантности сигнал одной из сторон может быть просто поглощен другой, оставаясь не ответным по сути. Создается впечатление своеобразной «черной дыры» эмоционально-смысловой информации, когда реакция не предполагается. Это безучастное равнодушие. Радикальной формой толерантности выступает безразличие, особенно там, где позиции трудносовместимы, и достижение понимания требует активного усилия при соответствующей установке на контакт и готовности к усилию. Таким образом, это, как правило, не диалог и даже не попытка понимания, а *сосуществование монологов*. Или, по выражению В.А.Лекторского, «коллективный солипсизм». Хотя возможна некоторая уточняющая конкретизация: сосуществование множества оказавшихся рядоположенными замкнутых в себе и самодостаточных солипсизмов.

¹⁴ Адорно Т.В. Эстетическая теория. М., 2001. С. 29.

Подобное понимание толерантности позволяет не смешивать ее с вежливостью, воспитанностью, уважением, ибо это подразумевает интерес, оценку и т.п. Толерантность – это *допущение существования* другого без всяких эмоций, суждений, оценок по этому поводу, это принятие другого с одновременным признанием и сохранением незыблемости своей и его идентичности. Толерантность по своему содержанию похожа на своего рода ритуал, ставший условностью, лишенный глубины содержания и лишь фиксирующий определенный, не подвергаемый сомнению порядок поведения. То есть это формальная, в определенном смысле ритуальная, внешне-поведенческая, а даже не психологическая категория. Толерантность субъективно не есть конформизм, но объективно становится основой самого глубокого и всепроникающего конформизма.

Во многих случаях нельзя не видеть как искусственности самого термина, используемого в широком смысле, так и искусственности попыток его «внедрения» в общественное сознание и поведение в современном контексте. Когда в сфере политики откровенно господствуют двойные стандарты, в сфере организации и управления обществом – все отчетливее проявляющиеся тоталитарные тенденции, в общественной психологии – спровоцированное оправданием всеядности стремление заглянуть в бездну патологии, заигрывание с извращениями и перверсиями, тогда идеология толерантности откровенно обнаруживает характер, с одной стороны, отвлекающий, с другой – провоцирующий. С помощью данного понятия заменяют действительное обсуждение сложных и значимых проблем, перекрывая интерес к неудобной теме или прикрывая те места, где «разошлись швы».

В то же время это и когнитивно весьма сложное понятие, ибо означает приведение в соприкосновение объемов не только разных *понятий*, но и разных уровней и общностей самого *понимания*. Это всегда как бы наложение единой системы отсчета на объекты, разные по природе, по способу идентификации, по отнесению к той или иной культурной, мыслительной традиции, познавательной парадигме и т.п. Это требует не только грамотности и точности в порядке соотнесения, но и – в качестве исходной позиции – высокой степени самосознания, а также одновременно концептуальной определенности, гибкости, и, кроме того, готовности и способности к пониманию другого, допущения и учета ценности его опыта, наконец, корректной «гомотетики» процедуры наложения.

Термин сложен, многолик, амбивалентен; лукавство его отчасти происходит от самой близости понятий «терпение» и «терпимость». Подлинная толерантность подразумевает равенство (но не одинаковость) «веса» сторон – тогда толерантность добровольна. И тогда она называется «согласие». При неравновесности, неравноправности сторон наступает ситуация принципиально разной толерантности. Терпимым быть, естественно, придется тому, кто слабее. Слабый терпит, потому что слабее, терпит, как правило, всегда, и часто вынужденно. И тогда это весьма приближается по смыслу к конформизму (по необходимости). Сильный проявляет терпимость, когда он либо абсолютно равнодушен, либо достаточно великодушен. Но в ситуации торжества в обществе нового социал-дарвинизма и выдвижения лозунга конкурентоспособности подобное великодушие, мягко говоря, нетипично, «неактуально» и в корне противоречит провозглашаемым идеям нового «естественного отбора». Действительно, «терпимости, – пишет А.С. Панарин, – учат не тех, у кого всего много, а тех, у кого и без того мало, не тех, кто держит власть и соб-

ственность, не желая поступиться крохами того или другого, а тех, кто испытывает притеснения со стороны первых. Многозначительная асимметрия “либерального разума”!»¹⁵, — заключает он.

В условиях действительной толерантности логически уместнее была бы солидарность, а не конкуренция. Солидарность как сотрудничество разных, но сознающих свою человеческую идентичность субъектов, — более эффективный инструмент сосуществования, и всякой совместной и общей деятельности. В то же время в условиях активно глобализирующегося мира США, например, если им не нравится состояние чьей-то демократии, вопреки всякой толерантности могут отправить (и отправляют) туда свои бомбардировщики (действия защищающейся стороны немедленно объявляются террористической акцией). Почему лозунги толерантности не подразумевают последовательности в их практическом применении? Очевидно, на самом деле толерантность действительно имеет свои пределы (или свои четко очерченные однонаправленные векторы), но, видно, толковать их могут не все, а только те, кто считает, что обладает правом (или присвоил себе право) быть специалистом по герменевтике всего того сложного «текста», из которого состоит многозначное содержание данного понятия.

Таким образом, мы вновь сталкиваемся с тем, что использование понятия «толерантность» вполне возможно и эффективно в функции средства управления. В социальной сфере, где необходимо действие мягких социальных методов, настраиваемых на социальные особенности «объекта», применима именно подобная когнитивно-психологическая технология *soft-power*. И именно ситуация глобального мира, как он пока складывается во главе с единственным действительным «актором», ситуация поликультуральности, где, с одной стороны, властвует дух неразличения, равноправия и всех видов познания и всех практик, с другой стороны, противоположная ему на первый взгляд массовая культура, непрестанно снижающая планку культурного самоощущения общества, оказывается востребована многоликая и амбивалентная толерантность. Примиряющая непримиримое, затушевывающая противоречия, гасящая конфликты просьбами о терпимости, останавливающая споры о смысле происходящего призывами к политкорректности. Терпимость к толерантности, которая уместна для проявлений, но не для принципов, позволяет обеспечивать необходимый уровень беспринципности, когда хочется согласиться со всеми, «только б не было» конфликта. Внешняя «полифония» на самом деле оказывается не могущими слиться, хотя и одновременными, но изолированными звучаниями несогласуемых партий. То, что может показаться гармонией, оборачивается глубинным застоєм, хотя на поверхности его с лихорадочной быстротой может меняться рисунок взаимопоглощающих мнений, взаиморастворяющих концепций, теряющихся друг в друге понятий.

Представляется, что именно здесь и могут скрываться опасности спокойной толерантности. В краткосрочной перспективе все может выглядеть очень хорошо. Но в долгосрочной перспективе может выглядеть иначе — вылиться в нежелание (а потом и неумение) действительно понимать другого, «ввязываться» во взаимодействие вместо равнодушного «позиционирования». Но стремление не столько решить, сколько замаскировать проблему, затушевать разногласие, отстраниться от него может спровоцировать неконтролируемую (и бессмысленную) вспышку тлеющего конфликта.

¹⁵ Панарин А. С. Народ без элиты. С. 235.

Нежелание вникать в сущность несогласия углубляет непонимание и невозможность прийти к соглашению на каких-то разумных началах. Конфликт на цивилизационном уровне возможен не из-за диалога, а именно из-за нежелания вступать в диалог, неспособности к нему. Разногласие, как и болезнь, нельзя запускать, загонять внутрь, выводить из-под контроля. Здесь равнодушие толерантности чревато как злокачественным разрастанием энтропии безразличия, так и взрывом переполнивших критическую массу противоречий. Соблюсти тонкое равновесие, пройдя между этими двумя безднами, мог бы, наверное, только тот, кто и не допустил бы подобной альтернативы – но где обитает он, этот мудрец?

Таким образом, сам объективный характер толерантности как механизма, обеспечивающего утверждение нового во имя совершенствования и развития, но не разрушения и исчезновения, предполагает, что необходимо должны существовать определенные требования к смыслу понятия «толерантность», которые бы составляли организационно-содержательный каркас, обеспечивающий всякому явлению его идентичность и препятствующий растворению его бытийной определенности в бескачественности, а следовательно, в небытии. Жизнь – во встрече, диалоге, взаимодействии и взаимопереходе качеств. В однокачественном мире, образованном не принципиальным, а толерантным согласием всех со всеми, рождается только серость, а реальная жизнь – угасает.